

Европа в российской внешней политике: необходимый, но недостаточный партнёр

Тома Гомар

Май 2010

Французский Институт Международных Отношений (ИФРИ) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимой ассоциации (согласно французскому закону об ассоциациях 1901г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

В 2005 году в Брюсселе открылась европейская антенна ИФРИ. ИФРИ-Брюссель является одним из редких французских мозговых центров (*think tank*), прочно занявших своё место в европейском дебате.

Благодаря междисциплинарному подходу своих исследований и привлечению к дебатам политиков, руководителей предприятий, научных работников и экспертов международного уровня, ИФРИ способствует развитию новых идей и принятию решений.

Ответственность за мнения, высказанные в данной статье, возлагается исключительно на её автора.

Центр Россия/ННГ

© Droits exclusivement réservés – Ifri – Paris, 2010

ISBN: 978-2-86592-712-8

IFRI

27 RUE DE LA PROCESSION
75740 PARIS CEDEX 15 – FRANCE
TEL. : 33 (0)1 40 61 60 00
FAX : 33 (0)1 40 61 60 60
E-MAIL : ifri@ifri.org

IFRI-Bruxelles

RUE MARIE-THERESE, 21
1000 BRUXELLES
TEL. : 32(2) 238 51 10
FAX : 32 (2) 238 51 15
E-MAIL : info.eurifri@ifri.org

САЙТ ИНТЕРНЕТ : www.ifri.org

Russie.Nei.Visions

Russie.Nei.Visions – электронная коллекция статей, посвящённых России и новым независимым государствам (Белоруссия, Украина, Молдавия, Армения, Грузия, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Кыргызстан). Статьи подготовлены известными в своей области экспертами и являются *policy oriented* документами по политическим, стратегическим и экономическим вопросам.

Данная коллекция отвечает стандартам качества ИФРИ (редакционный контроль и анонимная экспертная оценка статей).

Если Вы желаете получать информацию о следующих выпусках по электронной почте, Вы можете оформить бесплатную подписку по адресу: info.russie.nei@ifri.org

Последние выпуски

– Марк Н. Катц, «Российская политика на Большом Ближнем Востоке или искусство дружить со всеми», *Russie.Nei.Visions*, n° 49, апрель 2010;

– Джеффри Манкофф, «Последствия экономического кризиса для внутренней и внешней политики России», *Russie.Nei.Visions*, n°48, апрель 2010;

– Бобо Ло, «Россия, Китай и США: Прошлое и будущее стратегического треугольника», *Russie.Nei.Visions*, n°47, февраль 2010.

Об авторе

Тома Гомар является директором Центра Россия/ННГ во Французском Институте международных отношений (ИФРИ). Под его руководством выходит электронная трёхязычная коллекция *Russie.Nei.Visions*. Его последние исследования касаются гражданско-военных отношений в России и трёхсторонних отношений между Россией, США и Европой. Одна из его последних статей: «ОТAN-Russie: la "question" russe est-elle européenne?» [НАТО-Россия: является ли «русский вопрос» европейским?], опубликована в журнале «Politique étrangère» (№4, 2009).

Оглавление

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ	4
ВВЕДЕНИЕ	5
ЕВРОПА: МОДЕЛЬ, ПАРТНЁР И СОПЕРНИК	7
Отвергнутая модель	7
Неизбежный партнёр.....	9
Политический соперник.....	11
ЕВРОПА КАК ЧАСТЬ ЦЕЛОГО	14
Восприятие угроз: оборонительная и наступательная логики	14
Европа в трансатлантических рамках	16
Европейское направление среди других	Erreur ! Signet non défini.
МЕСТО ЕВРОПЫ В ВЕЛИКОДЕРЖАВНОМ ПРОЕКТЕ РОССИИ	21

Краткое содержание

Недавняя эволюция российской внешней политики вызывает вопрос о месте в ней Европы. Несмотря на то, что Европа является её главным партнёром, Россия развивает дискурс «восходящей державы», в котором подчёркивает стремительную потерю европейцами влияния на мировой арене. Для Москвы Европа продолжает оставаться необходимой, но перестала быть достаточной. Россия предвидит маргинализацию Европы в международных делах, понимая при этом, что степень её собственной маргинализации в большой мере зависит от того типа отношений, который ей удастся построить с Европой. Чтобы убедиться в этом, необходимо проследить превращение Европы в глазах России из модели в политического конкурента. Сравнение места Европы с другими направлениями российской дипломатии, позволит оценить её относительную значимость для великодержавного проекта России, претендующего на глобальность.

Введение

Вопрос о месте, отводимом Европе в российской внешней политике, предполагает констатацию сложившейся на сегодняшний день ситуации. С одной стороны, существующая на протяжении всей истории России дилемма – как сблизиться с Европой, сохранив при этом собственную идентичность? – вновь выходит на первый план в рамках «партнёрства по модернизации», в котором заинтересованы и Москва, и Брюссель. С другой стороны, эта дилемма исторически связана с центральным положением Европы на мировой арене, которое сегодня претерпевает изменения в связи с ускоряющимся сдвигом центра мировой системы в Азиатско-Тихоокеанский регион. Сегодняшний российский политический дискурс предвосхищает потерю Западом своей центральной роли, подчёркивая появление «восходящих держав», к которым Россия относит и себя. С этой точки зрения, Европа становится лишь одним из составных элементов российской внешней политики, наряду с другими. Однако при этом Россия стремится продолжить своё экономическое возрождение и вернуть себе международное влияние, что, по крайней мере частично, нуждается в интенсификации обменов с Европой. Новое международное соотношение сил меняет формулировку российской дилеммы: какую позицию необходимо занять по отношению к Европе, чтобы обеспечить себе положение глобального актора?

Другими словами, для Москвы европейское направление остаётся по-прежнему необходимым, но уже явно не достаточным. Во внешней политике Владимира Путина и Дмитрия Медведева значение, отводимое Европе, варьируется в зависимости от пяти нижеследующих факторов, приведённых в порядке убывания значимости: глобальное стратегическое равновесие, мировая энергетическая геополитика, сотрудничество по вопросам безопасности в зоне своих «привилегированных интересов», торговые отношения с Европейским союзом (ЕС) и отношения в рамках группы БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай).

В Европе и на Кавказе Москва продолжает придавать – с некоторыми нюансами – стратегическое значение шести странам, на которые ориентировано Восточное партнёрство ЕС (Азербайджан,

Переведено с французского Натальей Киселёвой-Туле.

В данной статье используются материалы двух выступлений автора: Russia's Foreign Policy Towards Europe in 2009: What Has Been the Main Driver? Boston. American Association for the Advancement of Slavic Studies. 13 ноября 2009; L'Europe vue de Moscou [Европа: взгляд из Москвы]. Paris. IHEDN. 15 февраля 2010.

Армения, Белоруссия, Грузия, Молдавия, Украина). Отношения, которые эти страны поддерживают с НАТО, вызывают серьёзную озабоченность в Москве. Обстановка в этой «буферной» зоне продолжает вызывать в России и некоторых странах ЕС ощущение угрозы безопасности. Россия включена сегодня в определённую систему одновременно конкурентных и союзнических отношений с Евросоюзом, являющимся её основным торговым партнёром и предоставляющим наиболее продвинутую структуру политической интеграции на континенте. В своей внешней политике Владимир Путин и Дмитрий Медведев вынуждены учитывать парадоксальную ситуацию, в которой находится Россия, предвидящая маргинализацию Европы на мировой арене и в то же время осознающая, что степень её собственной маргинализации в большой мере зависит от того типа отношений, которые ей удастся построить с Европой.

Европа: модель, партнёр и соперник

Нынешняя позиция Дмитрия Медведева по отношению к Европе определяется политикой его предшественников Горбачёва, Ельцина и Путина. При этом за прошедшие двадцать лет Москва полностью изменила свой взгляд на отношение между нормой и силой. Стремившаяся в 90-х годах к полной или частичной интеграции европейских норм, Россия отстаивает сегодня логику классической державы, оспаривающую нормативную власть ЕС и претендующую на выдвижение альтернативных вариантов. Зачастую представляемая как прагматичная, сегодняшняя российская политика по отношению к Европе на самом деле несёт значительную идеологическую нагрузку. Стратегия России направлена на представление себя «нормальной страной», политическая практика которой сравнима с западной. Это стремление к нормализации и деполитизации преследует цель создания образа страны, не испытывающей никакой необходимости в нормализации извне, и, в первую очередь, со стороны Европы¹. В начале 2000-х годов идеологический корпус России восстановился и смог произвести достаточный резерв как «антител», позволяющих сопротивляться внешним воздействиям, так и «активных веществ», оказывающих воздействие на собственную среду.

Желаемая модель

В конце советского периода, «новое мышление» Михаила Горбачёва способствовало открытию страны внешнему миру, сокращению вооружений, выводу советских войск из Афганистана и соседних стран социалистического лагеря, утверждению демократических принципов и соблюдению прав человека. Это «новое мышление» предоставило концептуальные рамки для перехода от военной сверхдержавы, все ресурсы которой были предназначены для военных целей, к государству, построенному на более рациональных принципах, то есть готовому отказаться от имперских притязаний и нормализовать как своё внутреннее устройство, так и отношения с внешним миром. Эта историческая трансформация сопровождалась

¹ Makarychev A. Rebranding Russia: Norms, Politics and Power // CEPS Working Document. №283. Февраль 2008. С. 29-30.

сближением с Западом в целом и с Европой в особенности². Важной характеристикой этого процесса, о которой зачастую забывают, является тот факт, что проект Михаила Горбачёва никогда не предполагал отказа от социализма, а был задуман как фундаментальная коллективная реформа, основанная на соблюдении индивидуальных прав. В этом смысле, прямое влияние на Горбачёва оказали европейская социал-демократическая модель и принцип «государства-провидения».

«Переходный период» 90-х годов продолжает ассоциироваться в сознании российских элит с разочарованием внутренней эволюцией страны и потерей позиций на международной арене. По некоторым оценкам, этот период привёл к успешному созданию рыночной экономики – при этом дорого обошедшейся в социальном плане – и провалу попытки установления демократии. И если успех создания рыночной экономики приписывается прозорливости команды Егора Гайдара, то провал в установлении демократии объясняется отсутствием чёткого видения траектории развития³. Такой результат свидетельствует о большем влиянии на российскую политико-экономическую концепцию того времени либеральной англосаксонской модели, чем социально ориентированной континентальной⁴. Преследуемая цель, со всей очевидностью, заключалась тогда в деполитизации экономики. В ходе первой фазы переходного периода руководящая команда всё ещё полагала, что демократия и рыночная экономика неотделимы друг от друга. Что касается внешней политики Андрея Козырева, она преследовала цель позиционирования России одновременно как демократии с новой политической культурой и как «великой державы», в силу сохранения прежней стратегической культуры.

Помимо трудностей в поиске равновесия между институтами президентства и парламента, ограничивших с 1993 года возможности политической конверсии, серьёзное влияние на отношения России и Европы оказала первая война в Чечне. Эта война была воспринята в Европе как проявление российского милитаризма в сочетании с неоимпериалистическим устремлением, которые не оставляли места правам человека. С российской же точки зрения, ставкой в этой войне являлось само выживание Российской Федерации, мирно отказавшейся от своей империи несколькими годами ранее. В это же время, Соединённые Штаты, при поддержке многих европейских стран, продвигали идею расширения НАТО, что подпитывало синдром осаждённой крепости российских элит, в основе стратегической культуры которых лежала навязчивая идея враждебности и угрозы со стороны внешнего окружения и необходимости обороны «стратегической глубины». Зато для стран бывшего социалистического лагеря перспектива расширения НАТО и ЕС обладала исключительной привлекательностью: они стремились

² *English R.* Russia and the Idea of the West. New York. Columbia University Press. 2000. С. 5.

³ *Åslund A.* Russia's Capitalist Revolution. Washington. Peterson Institute. 2007. С. 6-7.

⁴ Интервью с Егором Гайдаром, декабрь 2008.

присоединиться к трансатлантическому союзу именно для того, чтобы освободиться от российского влияния. При этом США регулярно возвращаются к идее развёртывания систем противоракетной обороны, что воспринимается в России как непосредственная угроза эффективности её ядерного арсенала. США поддерживают также энергетическую политику, стремящуюся направить энергетические потоки в обход российской территории. Накопившиеся разногласия и дипломатические неудачи вызвали у российских элит чувство глубокой фрустрации, которое достигло своего апогея в 1999 году в связи с событиями в Косово и привело к осознанию стратегической маргинализации России и необходимости пересмотра российской политики в сфере безопасности⁵. Объединение европейского континента происходит без участия России. Косовские события вызвали сплочение российских элит на почве противостояния НАТО, которая под предлогом защиты демократических ценностей преследует собственные интересы и стремится навязать свой порядок Европе⁶. Таким образом, если окончание холодной войны стало возможным благодаря сложившейся общности взглядов российских и западных руководителей, их отношения постепенно перешли в стадию напряжённости и соперничества⁷.

Неизбежный партнёр

Важно отметить, что отказ России от европейской модели не помешал развитию главной тенденции в её отношениях с ЕС, а именно, продолжающейся интенсификации экономических обменов. На сегодняшний день, на Евросоюз приходится более 55% оборота российской внешней торговли. Если Россия стремится продолжать своё развитие, она просто не может отвернуться от Европы. Интенсивный экономический рост в России в годы правления Путина (55% роста валового национального продукта между 2000 и 2008 годами) сопровождался развитием торговли с ЕС. В 2008 году общая сумма экспорта ЕС в Россию составила 105 млрд. евро, а России в ЕС – 172 млрд. евро. Для сравнения, экспорт Украины в Россию в том же году составил 10 млрд. евро, а России на Украину – 17 млрд. евро. За этими общими цифрами скрываются, однако, существенные различия между государствами-членами ЕС в их торговых отношениях с Россией. В 2007 году торговый баланс России был избыточным с 21 из 27 стран-членов Евросоюза и дефицитным с шестью странами (Германия, Австрия, Дания, Ирландия, Мальта и Словения). В инвестиционной сфере, Россия развивает свою

⁵ *Baranovsky V.* The Kosovo Factor in Russia's Foreign Policy // *The International Spectator*. №2. Апрель-июнь 2000. С. 113-130.

⁶ *Averre D.* From Pristina to Tskhinvali: the Legacy of Operation Allied Force in Russia's Relations with the West // *International Affairs*. №3. 2009. С. 575.

⁷ *Deudney D., Ikenberry J.* The Unravelling of the Cold War Settlement // *Survival*. T.51. №6. Декабрь 2009 – январь 2010. С. 48-49.

деятельность главным образом в Европе и на европейской части СНГ. Так, в 2008 году, в рамках СНГ, Белоруссия получила 58% российских инвестиций, а следующая за ней Украина – 23%. В первом квартале 2009 года международные инвестиции России были ориентированы на следующие страны (в порядке убывания инвестиций): Кипр, Нидерланды, США, Великобритания, Белоруссия, Виргинские острова, Швейцария, Гибралтар, Германия и Украина. Необходимо отметить двойную тенденцию в российской инвестиционной политике. Если некоторые из этих инвестиций поддерживаются российскими властями как сопровождающие процесс интернационализации крупных групп, другие свидетельствуют скорее о желании владельцев активов снизить риски, которым они подвергаются на собственном рынке, и, по сути своей, напоминают утечку капитала⁸. Ориентация финансовых потоков России ещё более усиливает её взаимосвязь с Европой.

Отношения России с Европой зачастую сводятся к энергетике. С точки зрения некоторых внешних наблюдателей, Москва политизирует энергетические поставки, с целью создать зависимость Европы от России. По их мнению, именно благодаря своим привилегированным энергетическим отношениям с Берлином, Парижем и Римом Москве удалось остановить расширение НАТО⁹. На самом деле, конечно же, ситуация оказывается несколько сложнее и установление прямой зависимости между долгосрочными газовыми соглашениями и дипломатической позицией по вопросу о расширении НАТО было бы, по меньшей мере, излишне поспешным. При этом необходимо признать значимость энергетических отношений между Россией и ЕС. В 2007 году ЕС импортировал 251 млрд. м³ природного газа: 123 из России, 85 из Норвегии, 32 из Алжира и 9 из Ливии. В 2008 году на Германию (40 млрд. м³), Италию (25 млрд. м³) и Францию (10 млрд. м³) пришлось 60% от общего объёма импорта российского газа в Европу. Российские власти и Газпром не скрывают исключительно важное для России значение экспорта газа на европейский рынок, остающегося основным источником доходов для российской экономики и для функционирования её нынешней политико-экономической модели. Влиятельное течение в российской политике отстаивает общеевропейский подход, рассматривая энергетические ресурсы как элемент, скрепляющий европейско-российское согласие¹⁰. Газовая стратегия России вынуждена приспособливаться к предпринимаемым европейцами усилиям по диверсификации энергоисточников, а также к росту популярности в США – а, возможно, и в некоторых странах Европы – идеи использования неконвенционального газа. Москва должна суметь сохранить объём своего экспорта в ситуации истощения её традиционных месторождений, что вынуждает её запустить новый

⁸ *Panibratov A., Kalotay K.* Russian Outward FDI and its Policy Context // Columbia FDI Profiles. №1. Октябрь 2009.

⁹ *Smith K.* Russia-Europe Energy Relations, Implications for US Policy. Washington. CSIS. Февраль 2010. С. 1.

¹⁰ *Margelov M.* A Strategic Union with Europe Based on an Energy Union // Russian Journal. т. 45. №3. 18 февраля 2010. С. 11.

разведывательно-производственный цикл. Кроме того, желание Газпрома подняться по цепочке добавленной стоимости, инвестируя в сектор переработки и сбыта, заставляет эту российскую монополию адаптировать свою экономическую модель к европейским энергетическим группам, а также российским компаниям, развивающимся на газовом рынке. Параллель между политическим и промышленным планами снова помещает Европу в центр российской энергетической стратегии на ближайшие годы.

Политический соперник

Восприятие Евросоюза как партнёра России сталкивается с серьёзным препятствием в виде визового режима. Ограничивая возможности передвижения населения, этот режим сам по себе символизирует сосуществование на европейском континенте двух зон и двух моделей. По всей видимости, форма этого сосуществования претерпевает в настоящий момент глубинные изменения. Трудности, с которыми сталкивается Европа на пути утверждения себя как международного актора, способствуют тому, что Россия отказывается признать европейскую модель «приватизированную» Евросоюзом, которая даёт последнему право определять контуры европейской идентичности, и предлагает альтернативный подход к определению Европы¹¹.

Поворотный момент в позиции России произошёл в ходе первого мандата Владимира Путина. Его изначальное стремление к сближению с ЕС открыто заявлялось во время зарубежных поездок, в частности, во Францию в октябре 2000 года. Однако в скором времени эта тенденция, под влиянием нескольких факторов, среди которых разногласия по проблеме Калининграда в 2002 году, привела к разочарованию¹². Война в Ираке выявила глубокий раскол в Европе, дискредитировала ЕС и открыла определённое дипломатическое пространство для России, которая частично обрела уверенность в себе. Двойное расширение 2004 года НАТО и ЕС произошло на фоне внутренней стабилизации в России, обеспеченной переизбранием Владимира Путина, и восстановления её мощи, ещё более заметной на фоне деградации ситуации в Ираке и роста цен на энергоносители. Сюда стоит добавить два других сыгравших поворотную роль события: шок Беслана, недооцениваемый Европой, видящей в нём лишь побочный эффект чеченского конфликта, и «оранжевая революция» на Украине.

¹¹ Sakwa R. The Outsiders: Russia and Turkey in Greater Europe // *Russie.Nei.Visions*. (готовится к публикации в 2010).

¹² Бордачёв Т. Новый стратегический союз. Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможности «большой сделки». Москва. Издательство «Европа». 2009. С. 76-93.

Сочетание этих событий меняет взгляд России не только на Европу, но в первую очередь на США. По мере того, как Россия восстанавливает свою мощь и способность влияния, Вашингтон вновь оказывается в центре российской внешней политики. Это в свою очередь непосредственно отражается на отношении Москвы к ЕС, быстро теряющему политическую привлекательность. Евросоюзу удалось проявить себя в качестве дипломатического актора через успешное посредничество в российско-грузинском конфликте. Однако Москва отвергает попытки ЕС распространить своё влияние через Восточное партнёрство и намеревается сохранить «сферу своих привилегированных интересов». Вступив в войну с Грузией, Москва переступила через запрет на применение силы для защиты своих интересов за пределами РФ. Это событие можно расценивать как недвусмысленное послание, меняющее тональность политики Москвы по отношению к Европе.

Одновременно с этим Москва разрабатывает аргументацию, оспаривающую как в политическом, так и в экономическом плане, модель Евросоюза, зачастую определяемую как слабую и нерешительную бюрократию. Эта тенденция, однако, частично теряет силу по причине переживаемого Россией экономического спада (-8,5% от ВВП в 2009 году) и необходимости поиска нового соглашения, призванного послужить юридической базой для обменов между двумя сторонами. Российские элиты ратуют за «государственный капитализм», приводя в качестве аргумента достоинства экономического развития, основанного на строгом политическом контроле. Всё более откровенно они отказываются от строгой привязки рыночной экономики к политической демократизации, сохраняя всё же в своём подходе определённые нюансы. Они ставят под сомнение нормативные принципы ЕС и оспаривают его монополию на определение демократии, настаивая на том, что эти понятия должны стать предметом специфического, то есть релятивистского подхода, и рассматриваться в переговорном процессе¹³. С целью избежать необходимости собственной конверсии, Москва отстаивает трактование нормализации с точки зрения универсальных ценностей, при этом не желая чувствовать себя ответственной за них. За нарочито прагматичным, технократическим и экспертным подходом стоит не желание постепенного впитывания европейской нормы, а наоборот, стремление превратить разработку нормы в предмет обсуждения в каждом отдельном случае. Россия придерживается релятивистской идеологии, позволяющей ей разоблачать «двойные стандарты» и подтачивать символический капитал Европы.

Эти идеологические рамки приводят к вопросу о том, не потеряла ли идея Европы свою актуальность в России¹⁴. По всей видимости, ответ на этот вопрос зависит от принадлежности тому или

¹³ Makarychev A. Op. cit. [1].

¹⁴ Åslund A., Kuchins A. The Russia Balance Sheet // Washington, Peterson Institute/CSIS. 2009. С. 99-114. Все приведённые в этом параграфе цифры и интерпретации взяты из этой публикации.

иному поколению. И если результаты опросов общественного мнения – по определению конъюнктурные – не могут служить основанием для окончательных выводов, они достаточно чётко свидетельствуют о том, что европейская модель в ходе последних десяти лет во многом потеряла свою привлекательность. Запад значительно меньше привлекает молодое поколение (20-30 лет), чем предшествующее ему (40-50 лет). При этом обнаруживается парадокс: внезапное и быстрое улучшение экономического положения по сравнению с периодом 90-х годов не сделало российского населения более «западным». Используя социологическую терминологию, можно сказать, что россияне отказываются от западной социополитической модели, одновременно демонстрируя всё более индивидуалистический тип поведения. В 2008 году 50% россиян негативно ответили на вопрос о том, представляет ли западное общество позитивную модель для России (25% ответили позитивно). Эта тенденция ни в коей мере не отражает возвращения к *homo sovieticus*, а, наоборот, свидетельствует о примитивном капиталистическом поведении: в повседневной жизни россияне в большей мере чем европейцы верят в представляемые капитализмом возможности и понимают таящиеся в нём угрозы.

Европа, ни центральное, ни маргинальное значение для России

Факты свидетельствуют о том, что Европа играет центральную роль для российской экономики. Система безопасности России, несмотря на изменения географии угроз, остаётся в большой степени ориентированной на Европу. При этом в дискурсе российских элит Европе отводится всё меньшее место, что объясняется потерей ею влияния и стремлением России к статусу восходящей державы с глобальным потенциалом.

Восприятие угроз: оборонительная и наступательная логики

В российской стратегической культуре угрозы традиционно исходят от Запада. Россия часто представляется страной, сумевшей оказать сопротивление западным влияниям¹⁵. В качестве возможной светской и духовной альтернативы, Россия всегда ощущала угрозу скорее со стороны «еретиков», чем «неверных»¹⁶. Это наследие, которое не может рассеяться за несколько лет, объясняет невозможность линейного движения к Западу. В официальной доктрине России анализ угроз и рисков всё ещё остаётся сфокусированным на НАТО, расширение которого было расценено как дестабилизирующее и агрессивное¹⁷. Представления российских военных, опасющихся удлинения радиуса действия сил НАТО, способных нанести удар вглубь территории России, формируются под влиянием мании враждебного западного окружения. Это восприятие угроз служит оправданием поддержанию многочисленной армии и политической организации, ставящей во главу угла внутреннюю и внешнюю безопасность. Нынешний пересмотр гражданско-военного равновесия в пользу политического руководства заслуживает особого внимания¹⁸.

¹⁵ *Poe M.* The Russian Moment in World History. Princeton. Princeton University Press. 2003.

¹⁶ *Garrard J., Garrard C.* Russian Orthodoxy Resurgent. Princeton. Princeton University Press. 2008. С. 141.

¹⁷ *Gomart Th.* NATO-Russia: Is the 'Russian Question' European? // *Politique étrangère* (выпуск на английском языке). №4. 2009. С. 123-136.

¹⁸ *Gomart Th.* Russian Civil-Military Relations: Is there Something New with Medvedev ? // *US Army War College* (готовится к публикации).

Он должен привести к перераспределению полномочий между командными инстанциями, особенно в сфере стратегического планирования. А это, в свою очередь, приведёт к ограничению значимости Европы по сравнению с транснациональными угрозами и укреплению мощи Ирана и Китая.

Усилия Кремля по развитию Организации Договора по коллективной безопасности (ОДКБ) следует связать с его стремлением утвердить принцип «сферы привилегированных интересов». Москва преследует тройную цель в этой системе альянсов, операциональную целостность которой ещё предстоит доказать. Москва стремится создать систему аванпостов в соответствии с традицией «защитных зон», осуществлять своего рода военное доминирование – скорее по требованию ситуации, чем постоянное – в своём соседстве и, наконец, приобрести такой вес на Кавказе и в Средней Азии, который позволил бы повысить своё влияние в Европе и США. Чтобы достичь первой из этих целей, Москва укрепляет свои двусторонние отношения *ad hoc* с Белоруссией в Европе, Арменией на Кавказе и Казахстаном в Центральной Азии. Чтобы достичь второй цели, Москва модернизирует свой военный инструментарий с учётом уроков грузинской войны, послуживших как внутренним, так и внешним целям¹⁹. Для достижения третьей цели необходимо установить своего рода равенство между ОДКБ и НАТО. Москва стремится максимально использовать своё влияние в Центральной Азии в диалоге с Северным Альянсом, нуждающимся в политическом выходе из своего военного вмешательства в Афганистан.

К этой логике, основанной по сути на территориальном подходе, направленном на сохранение стратегической самостоятельности России, добавляется наступательная логика, направленная на глобализацию своего присутствия. Отдавая себе отчёт в изменениях, происходящих в международной системе, Россия пытается реализовать своё могущество геостратегическими методами. Не ограничивая свои амбиции прямым или косвенным контролем территорий, она стремится вписаться в международные потоки и, по возможности, подчинить себе те из них, которые находятся в пределах её досягаемости. Энергетика со всей очевидностью выступает как привилегированное средство глобализации российского влияния. Это проявляется не только в подходе к газовым поставкам, но и в желании присутствовать в секторе переработки и сбыта в нефтяной и угольной промышленности, а также в гражданской атомной энергетике, поддерживая национальные компании в их стремлении к интернационализации. Российские власти рассчитывают на то – и этот расчёт имеет непосредственное отношение к Европе, потребность которой в энергии должна значительно возрасти в ближайшие годы, – что истощение запасов ископаемой энергии

¹⁹ *McDermott R. Russia's Conventional Armed Forces and the Georgian War // Parameters. T. XXXIX. №1. 2009. С. 67-68.*

открывает для неё возможность быстрого обогащения и приобретения глобального влияния. Безусловно, цель России заключается не в том, чтобы ограничиться европейским рынком, а в том, чтобы ограничить конкуренцию, особенно за газ, на этом «естественном» для неё рынке.

Наступательная логика, направленная на приобретение глобального влияния, включает также продажи оружия. Тремя основными клиентами России в этой сфере являются Индия, Китай и Иран. Кроме того, она поставляет боевые комплексы таким странам как Сирия, Венесуэла и Алжир. Помимо финансовых доходов, необходимых для модернизации российской оборонной промышленности, эти продажи способствуют формированию определённого промежуточного дипломатического пространства, используемого Россией в своей политике по отношению к Европе.

Европа в трансатлантических рамках

Не вызывает сомнений тот факт, что НАТО остаётся для России главным ориентиром, что приводит к необходимости проводить специфическую политику по отношению к странам, не принадлежащим одновременно ЕС и НАТО, таким как Швеция, Финляндия, Норвегия и Турция. Стремление нарушить солидарность Запада, играя на связи между США и Европой, представляет собой константу внешней политики Москвы, отдающей предпочтение двусторонним связям. С этой точки зрения, возвращение Франции в объединённое командование НАТО (апрель 2009) было воспринято в Москве, – невзирая на приводимые французскими властями аргументы о создании европейской опоры внутри Альянса, – как конец европейской стратегической самостоятельности. Приоритетность НАТО в политике Москвы была подтверждена её восприятием расширения этой организации как дестабилизирующего и агрессивного акта. В этом смысле, важно подчеркнуть воздействие «оранжевой революции», интерпретированной российскими элитами не только как результат стремления Запада втянуть Украину в свою орбиту, но и как революцию, подготовленную США с целью распространить своё влияние вплоть до границ России²⁰. Это приводит к напоминанию о крайней болезненности украинского вопроса в российской политике по отношению к Европе и США. По причине своей пластичности и важной роли в транзите энергоносителей, Украина остаётся одним из приоритетов в политике Москвы. В этом смысле, избрание Виктора Януковича должно принести Москве облегчение, даже если такие сложные вопросы как статус Черноморского флота остаются пока нерешёнными²¹. Внутри

²⁰ *Trenin D. Russia's Spheres of Interest, Not Influence // The Washington Quarterly. №4. 2009. С. 15.*

²¹ 21 апреля 2010 года президенты Медведев и Янукович подписали договор, который увязывает вопросы присутствия российского флота в Чёрном море с ценой

российских элит существуют различные позиции по вопросу об отношении к НАТО²². С точки зрения одних, Россия и НАТО способны достигнуть равновесия, необходимого для сохранения сфер влияния каждой из сторон. Второе, миноритарное, течение продолжает рассматривать возможность присоединения к НАТО и к западным ценностям. Третье течение, весьма распространённое в парламентских кругах, полагает, что НАТО, вопреки всему, продолжает готовить нападение на Россию.

Отношения Россия-НАТО зависят от развития российско-американских отношений. Сформированные холодной войной, эти отношения продолжают базироваться на ядерном диалоге²³. Значение, придаваемое Москвой диалогу с Вашингтоном, объясняется первостепенной ролью ядерного оружия как элемента международной легитимности. В ходе второго президентского мандата Владимира Путина позиция Москвы стала всё более антиамериканской, что не мешает ей одновременно добиваться знаков признания со стороны Вашингтона, в частности, с целью укрепить свой стратегический вес в глазах европейцев. Ядерная тема определяет сегодня, как и вчера, ориентацию политики безопасности России. Именно ядерное оружие придаёт убедительность России как военной державе и служит главным атрибутом её могущества. При этом российские элиты полностью осознают изменение парадигмы глобальной безопасности. И всё же Россия склоняется к выбору в пользу своего рода стратегического одиночества, полагая, что в нынешнем контексте её выживание и развитие гарантируются ядерной самостоятельностью и энергетическим потенциалом, не требующими заключения налагающих обязательства партнёрств.

Именно в этом контексте администрация Обамы запустила политику «перезагрузки», ориентированную на прекращение игнорирования России в стратегической сфере и поиск согласия по отдельным вопросам, таким как иранское или афганское досье. Наследие администрации Буша ограничивает свободу манёвра администрации Обамы²⁴. Эта вновь открытая открытость США вызывает скептицизм в Москве, но всё же предоставляет возможность поддержания обменов мнениями на болезненные темы. Оставаясь амбивалентной, позиция России по иранскому вопросу ужесточилась с сентября 2009 года. Во время президентства Владимира Путина, для определения своей международной позиции и отказа от западных предписаний Кремлём была разработана аргументация собственной *специфичности*. Москва отреагировала на американскую политику в

на газ. Присутствие российского флота продлено на 25-30 лет. В обмен Россия обязуется поставлять газ Украине по льготному тарифу в течение 10 лет.

²² Allison R. Russian Security Engagement with NATO в Allison R., Light M., White S. Putin's Russia and the Enlarged Europe. London. Blackwell. Chatham House Papers. 2006. С. 99-105.

²³ Graham Th. US-Russia Relations, Facing Reality Pragmatically в Gomart Th., Kuchins A. Europe, Russia, and the US, Finding a New Balance. Washington/Paris. CSIS/Ifri. Июль 2008.

²⁴ Gomart T. Отношения Россия-США: Обама и наследие Буша // Russie.Nei.Visions. №39. Апрель 2009.

её зоне влияния как на дипломатическом, так и на идеологическом уровнях. Некоторые аналитики видят в антиамериканизме суть внешней политики Владимира Путина ещё до его речи в Мюнхене в 2007 году²⁵. Ключевым пунктом российской политики по отношению как к Европе, так и к США, является утверждение её стратегической самостоятельности. По мнению Москвы, европейцы теряют позиции в военной сфере, в то время как США, по окончании иранской и афганской авантюры, могут выбрать политику изоляционизма. С этой точки зрения, России необходимо поддерживать постоянное и дорогостоящее для её экономики усилие, направленное на сохранение позиции силы в отношениях с США и Китаем²⁶.

Другие приоритетные зоны

В своих отношениях с Европой Россия часто ссылается на рост «восходящих держав» и пользуется им в своих целях. Доклад инвестиционного банка Голдман Сакс, представляющий экономики стран БРИК как обладающие большим потенциалом, подарил России неожиданный козырь в виде «марки» БРИК, к которому она всё чаще прибегает²⁷. По мнению аналитиков Голдман Сакс, если страны БРИК представляли в 2003 году 15% от экономического веса «большой шестёрки» (Великобритания, Германия, Италия, США, Франция и Япония)²⁸, то в 2025 году они будут представлять больше половины этого веса, а в 2045 превзойдут его. Внутри этой группы Россия составляет исключение, поскольку является единственной страной, население которой может достичь уровня жизни «большой шестёрки» в расчёте ВВП на душу населения. В то же время, право России приравниваться к БИК (Бразилия, Индия и Китай) открыто оспаривается и служит постоянным поводом для разногласий в западных СМИ²⁹. Это, однако, не мешает России использовать тему «восходящих держав» в своих отношениях с Европой, с целью придать содержательности понятию государственного капитализма как системы, в которой государство выступает лидером в экономической сфере и стремится извлечь политический выигрыш из

²⁵ *Ambrosio Th.* Challenging America's Global Preeminence, Russia's Quest for Multipolarity. Burlington. Ashgate. 2005.

²⁶ *Ло Б.* Россия, Китай и США: прошлое и будущее стратегического треугольника // *Russie.Nei.Visions.* №47. Февраль 2010.

²⁷ *Roberts C.* Russia's BRICs Diplomacy : Rising Outsider with Dreams of an Insider // *Polity.* №1. 2010. С. 38-73.

²⁸ *Wilson D., Purushothaman R.* Dreaming with BRICs: The Path to 2050 // *Goldman Sachs. Global Economics Paper.* №99. Октябрь 2003.

²⁹ См., например: *Roubini N.* Quels sont les vrais pays émergents ? [Какие страны можно действительно назвать восходящими?] // *Les Echos.* 16 ноября 2009 и, в качестве ответной реакции : *Hirn K., Laporte M.* Eloge de la Russie [Хвала России] // *Les Echos,* 9 декабря 2009.

своего положения на рынках³⁰. Россия организовала в июне 2009 года в Екатеринбурге первый дипломатический саммит БРИК, вызвавший определённый скептицизм со стороны Запада, поскольку его единственным значимым результатом стало предоставление международной трибуны президенту Ирана. За ним последовал второй саммит в Бразилии в апреле 2010 года.

Строя свои отношения с Европой, Россия также использует Китай, представлявший в 2007 году 16% импорта ЕС (опережая США с 13% и Россию с 10%) и 6% его экспорта (после США с 21%, Швейцарии с 7% и наравне с Россией с 6%)³¹. Как и Китай, Россия занимает двойную позицию: использует «марку» БРИК в экономической сфере и статус постоянного члена Совета Безопасности ООН в политической. Кроме того, Россия прибегает к символике силы, демонстрируя свою военную мощь, в особенности её ядерную, морскую и космическую составляющие. Она чередует использование *soft power*, например, организуя проведение в Сочи зимних Олимпийских Игр 2014 года, и *hard power*, чему свидетельствует её решительное поведение во время грузинской войны. Марка БРИК создана главным образом для демонстрации Западу сдвига центра тяжести мировой системы. Спорная по многим пунктам, эта группировка позволяет России проявить и обособить себя по отношению к Евросоюзу, остающемуся всё же необходимым для развития её экономики. Уместность сопоставления этих четырёх стран связана, в первую очередь, с эволюцией китайско-российских отношений, в силу разности потенциалов между двумя этими странами. На Западе китайско-российское сближение оценивается по-разному³². Что касается России, то «китайская карта» часто используется ею с целью добиться от западных партнёров уступок в военной, энергетической и дипломатической сферах.

К усилиям по созданию имиджа мировой державы добавляется особый подход России к некоторым регионам, где она отстаивает собственные интересы. Этот подход характеризуется стремлением отмежеваться от Европы и маргинализировать её. Эта тенденция чётко прослеживается в Центральной Азии, где экономический вес ЕС, являющегося здесь крупнейшим внешним инвестором, явно не соответствует его политическому значению. По всей вероятности, такая же ситуация сложится в Арктике, перемещающейся, благодаря богатству своих недр, в центр приоритетов Москвы, которой удалось добиться здесь символического преимущества над некоторыми европейскими странами, также притязавшими на эту зону, в частности, Норвегией³³. Что касается Ближнего Востока, Россия с

³⁰ Bremmer I. State Capitalism Comes of Age: the End of the Free Market ? // Foreign Affairs, T. 88. №3. Май 2009.

³¹ Eurostat. Сентябрь 2009.

³² Точка зрения, ставящая под сомнение устойчивость китайско-российского союза, представлена в *Lo B. Axis of Convenience. Moscow, Beijing, and the New Geopolitics. Washington. Brookings. 2008.* Точка зрения, подчёркивающая поворот к Китаю в российской политике, представлена в *Цыганков А. «Западники» и «синофилы» во внешней политике России // Russie.Nei.Visions. №45. Декабрь 2009.*

³³ Oreshenkov A. Arctic Diplomacy // Russia in Global Affairs. №4. 2009. С. 121-132.

2003 года является членом «квартета» международных посредников (наряду с ЕС, ООН и США) по урегулированию израильско-палестинского конфликта. Кроме того, Россия, США и Европа (представленная Германией, Францией и Великобританией) сотрудничают по иранскому вопросу. Учитывая близость российско-израильских связей и продажи российского оружия Сирии и Ирану, Россия предстаёт как первостепенный актор на Ближнем Востоке. Сделавшись наблюдателем в Организации исламской конференции в 2003 году, Россия предприняла попытку пересмотреть свои отношения с политическим исламом, стремясь дистанцироваться от позиции Запада. Это привело, в частности, к завязыванию официальных отношений с Хамасом и неофициальных с Хезболлой, при одновременном стремлении создать особую форму ислама для российских мусульманских меньшинств³⁴. По контрасту с этой ситуацией, российский «прорыв» в Африке и Латинской Америке – несмотря на определённые экономические и дипломатические успехи – выглядит довольно скромным³⁵.

³⁴ *Danreuther R.* Islamic Radicalization in Russia: an Assessment // *International Affairs*. №1. С. 111-120.

³⁵ *Бланк С.* Россия и Латинская Америка: геополитические игры вблизи США // *Russie.Nei.Visions*. №38. Апрель 2009.

Место Европы в великодержавном проекте России

Региональная держава с глобальными притязаниями, Россия поддерживает с Европой в некотором смысле парадоксальные отношения. Предвосхищение геостратегической маргинализации Европы сосуществует в России с невозможностью – в силу специфики движущих сил её экономической модели за пределами энергетической ренты – приобретения ею самостоятельности. Она стремится к глобализации своей политики с целью добиться большего влияния на ориентацию своего главного торгового партнёра. Представляется возможным выделить главные цели великодержавного проекта Москвы и определить в нём место Европы следующим образом:

– *Сохранить стратегическую самостоятельность.* Выбор российских элит по этому пункту однозначен. Их не пугают возможные последствия «стратегического одиночества», соответствующего, по их мнению, исторической траектории их страны по отношению к другим державам³⁶. Эта позиция позволяет им подчеркнуть своего рода отречение европейских руководителей, принявших постмодернистскую точку зрения в то самое время, когда логика конфронтации снова вступила в силу. Российские элиты развивают видение нестабильного и жёсткого многополярного мира, не соответствующего европейскому кредо. Стратегическая самостоятельность должна проявиться в политическом и дипломатическом планах, наделяя Россию нормотворческим статусом, в отличие от её бывшей роли потребителя европейских норм.

– *Использовать возможности, предоставляемые глобализацией.* Позиция российских элит по отношению к глобализации определяется фундаментальным парадоксом, не единожды возникавшим в российской истории³⁷. Процессы глобализации влекут за собой глубинные изменения в обществе, рано или поздно сказывающиеся на стабильности власти. Это вынуждает властные структуры принимать контролирующие меры, вызывающие риск упустить новые возможности развития. Разработанная

³⁶ Gomart Th. Russia Alone Forever? The Kremlin's Strategic Solitude // Politique étrangère (специальный выпуск). World Policy Conference. 2008. С. 23-33.

³⁷ Wallander C. Global Challenges and Russian Foreign Policy в Legvold R. Russian Foreign Policy in the Twenty-First Century and the Shadow of the Past. New York. Columbia University Press. 2007. С. 444-445.

Владимиром Путиным тема модернизации вписывается в этот порочный круг, однако происходит это в момент небывалой интеграции российской экономики в мировую. С этой точки зрения, территория Европы представляет для России наиболее естественный доступ к глобализационным потокам. Таким образом, одна из целей России заключается в том, чтобы вписаться в мировые потоки, не ограничиваясь лишь энергетическими.

– *Добиться символической победы.* Российские элиты стремятся закрепить возврат могущества их страны, в частности, на европейском континенте. Завершение холодной войны рассматривается не как поражение советской России, а как окончание доминирования Запада на мировой арене. Годы так называемого переходного периода, совпавшие с расширением НАТО и ЕС, воспринимаются российскими элитами как период унижения, в ходе которого Россия была вынуждена молча сносить решения, принимаемые в трансатлантических инстанциях. С этой точки зрения, накопление таких фактов как поражение в Чечне (1994-1996), интервенция НАТО в Косово (1999) и гибель подводной лодки Курск (2000) нанесло серьёзный урон военному престижу России в глазах её собственных элит. Для Владимира Путина, как и для Дмитрия Медведева, речь идёт о необходимости его восстановления как внутри страны, чему должна была послужить вторая кампания в Чечне (1999-2008), так и за её пределами, чему должна была послужить война с Грузией. В силу стратегической культуры России, применение силы остаётся её привилегированным способом вызвать уважение к себе на международной арене, в первую очередь на Кавказе и, во вторую, в Европе.

Эти три глобальные цели составляют корпус, которого придерживается большинство российских элит, продолжающих воспринимать свою страну как классическую державу. Это приводит их к выделению трёх оперативных целей, находящихся на сегодняшний день в центре дипломатической деятельности Москвы.

– *Сохранить ядерное первенство наряду с США.* В центре российско-американского диалога находились деликатные переговоры по договору СНВ (сокращение стратегических наступательных вооружений) вплоть до подписания договора в апреле 2010 года. Касаясь природы международной идентичности России, эти переговоры выходили за узкие двусторонние рамки. Россия полагает, что ядерный арсенал остаётся не только высшей гарантией её безопасности, но и основным атрибутом её статуса мировой державы. Проведение переговоров по ядерной теме остаётся для России основным способом поддержания особых отношений с США и, таким образом, выделения на фоне других ядерных держав.

– *Ограничить на региональном уровне потерю своего глобального могущества.* Рост Китая и Индии, в сочетании с институционализацией «большой двадцатки», уменьшает влияние России, входящей в «большую восьмёрку», но не являющейся членом Всемирной торговой организации (ВТО). В некоторых регионах мира, в особенности на Ближнем Востоке, Россия старается отделить свою

позицию от линии Запада. В своём ближайшем соседстве она стремится укрепить собственное влияние, используя кризис для возвращения себе некоторых активов (особенно в Белоруссии и на Украине), а также пользуясь контролем над русскоязычным информационным пространством и напоминая о своём военном доминировании. Это может привести Россию к злоупотреблению своей центральной позицией в энергетической сфере, поскольку эта позиция приносит ей прямой доход и глобальное влияние.

– *Нейтрализовать Украину и изолировать Грузию.* Враждебность Москвы к расширению НАТО кристаллизовалась, с 2004 года, в чётко сформулированную цель: остановить экспансию НАТО в ближайшем окружении России. На сегодняшний день эта цель достигнута. Для закрепления успеха, России необходимо нейтрализовать Украину, то есть позволить ей сблизиться с ЕС при условии отказа от вступления в НАТО. Остаётся нерешённым вопрос о будущем Севастополя, имеющий решающее значение для сохранения Москвой своего военного превосходства в Чёрном море. Что касается Грузии, цель Москвы заключается в том, чтобы обезопасить Абхазию и Южную Осетию в перспективе проведения зимних Олимпийских Игр в Сочи, которые, по мнению российских властей, должны иметь позитивное значение для России, но могут также вызвать организованные протесты против сегодняшней формы присутствия России на Южном Кавказе.

Подводя итог, необходимо отметить, что сегодня Россия проводит по отношению к Европе безусловно более активную политику, чем в начале 2000-х годов. Её нормативный подход к Европе изменился под совместным воздействием двух факторов: потери влияния Евросоюзом, расширившимся, но разделённым по таким ключевым досье как Ирак, и возвращения могущества Москвы благодаря быстрому экономическому росту в период с 2000 по 2008 годы. Задача Москвы заключается теперь в том, чтобы добиться осязаемых результатов этого изменения в расстановке сил, несмотря на усиление её взаимозависимости с ЕС в ходе последнего десятилетия. С этой целью Россия одновременно проводит целый ряд переговоров: инициатива Медведева, процесс Корфу, запущенный в июне 2009 года в рамках ОБСЕ, таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана, новое соглашение с ЕС, женеvский процесс по Грузии и договор СНВ с США. Этот рост дипломатических инициатив отражает разделяемое всеми российскими элитами убеждение в том, что наступающий мир многополярности и взаимозависимости требует сохранения Россией своей стратегической самостоятельности.